Автор: admin
27.05.2011 12:49 -

Вселенная - реальность или голограмма?

Много лет тому назад я познакомилась с человеком необычной профессии. Он называл себя «Мастером голограмм». Я имела весьма смутное представление о голографии. И когда мастер предложил мне посмотреть его работы, я пришла в предвкушении чего-то необычного.

На стенах висело множество картин под стеклом. Подойдя поближе, я увидела, что это не картины, а скорее скульптуры из какого-то разноцветного светящегося материала. Цветы и деревья, драгоценные камни и плавающие в море рыбы, старинные замки и репродукции знакомых картин – все это искрилось, переливалось и манило, приглашая обойти вокруг, посмотреть со всех сторон, войти в Зазеркалье, превратиться в одно из этих волшебных светящихся созданий. А потом идти все дальше и глубже, туда, откуда лился этот радужный, сказочный свет – и увидеть, что же скрывается за горизонтом…

Когда я очнулась, хозяин предложил мне выбрать любую картину в подарок. Слегка растерявшись от такой щедрости, я начала осмотр заново. И увидела картину, на которую прежде не обратила внимания. Человек за стеклом улыбался и показывал пальцем наверх – в небеса. Его изогнутая рука напоминала знак вопроса. Это был «Иоанн Креститель» Леонардо.

Несколько лет Иоанн висел у меня на стене и я приходила к нему, когда чувствовала себя в тупике. Я представляла себе, как прохожу через стекло, оказываюсь рядом с ним, смотрю туда, куда направлен его палец – и там, в небесах, читаю ответ.

Однако в какой-то момент он вздумал упасть со стены. И стекло разбилось пополам. В отчаянии я подбежала к нему и подобрала обе половинки. И тут я увидела двух Иоаннов – чуть более размытых, но целых. Это потрясло меня. Я точно знала, что разбитая картинка не превращается в две одинаковые картинки.

И я решила узнать о голографии побольше. Я прочитала про принцип интерференции, невероятную плотность записи и удивительное свойство содержать в каждой точке информацию обо всех остальных.

Прошло несколько лет. Я переехала из Петербурга в Москву, приступила к изучению психологии и забыла про голограммы. А оба Иоанна затерялись в одном из переездов.

Но как-то раз я прочитала о двух открытиях, сделанных вскоре после изобретения голограммы.

Первое принадлежало нейрофизиологу Карлу Прибраму. Он утверждал, что мозг устроен по голографическому принципу. Как разбитая картинка сохраняет изображение, так и мозг после операции сохраняет прежнюю память и восприятие, потому что в каждом его участке хранится полный объем информации обо всех остальных. Как голограмма образуется путем интерференции двух потоков волн, так и мозг преобразует волны, превращая их в то, что мы видим, слышим и ощущаем.

Второе открытие принадлежало физику по имени Дэвид Бом. Он утверждал, что наша Вселенная – это голограмма, и все, что мы видим, слышим, ощущаем, – голографические объекты, порожденные нашей способностью кодировать волны.

Мне кажется, что стул и стена, мое тело и кошка – отдельные объекты. Но при более глубоком понимании можно обнаружить, что все это – волны единой энергии.

Бом говорил о двух порядках: явном и неявном. Он утверждал, что именно наша неспособность увидеть неявное единство за явной разделенностью является причиной раздоров, вражды, войн и разобщенности – мы охвачены иллюзией разделения и не понимаем, что на более глубоком уровне мы все едины – друзья и враги.

В наших душах царит такой же раздор – внутренние конфликты и хаос, утрата целостности и смысла. Все это происходит потому, что мы забываем про Неявный порядок, подобно тому, как человек, наблюдающий за игрой волн, водоворотов и ряби на воде, представляет их отдельными объектами, забывая об Океане.

В заключение Бом говорил, что глубина океана непостижима и безгранична и он может оказаться лишь поверхностью одного из бесконечного множества иных океанов,

неведомых и невообразимых.

Вначале мне это показалось невероятным. Я не могла поверить, что это сказано не в научно-фантастическом романе и не на сборище мистиков, а на серьезной научной конференции, а автор – ученый с мировым именем, которого уважал Эйнштейн.

И тут внезапно передо мной снова возникли два Иоанна. Оба весело смотрели на меня и подмигивали. Они устроились возле моих ушей и запели песенку, которую я любила когда-то в детстве:

Если ты мне дашь травинку,
И тебе я дам травинку,
То у каждого из нас
Так и будет по травинке.

Если ж ты споешь мне песню,
И тебе спою я песню,
То у каждого из нас
Будет сразу по две песни.

Кажется, в этот момент я испытала что-то вроде того, что принято называть «инсайт». Я увидела, что разбитое стекло, две картинки, травинки, песни, загадочный физии-мистик Дэвид Бом, Мастер голограмм и я – камушки удивительной и прекрасной мозаики, и в каждом отражаются все остальные.

Это состояние продолжалось недолго. Впрочем, недолго – слово неточное, потому что понятие времени в тот момент исчезло. Но когда оно окончилось, я увидела, что стрелки часов переместились на две-три минуты.

И тогда у меня появился вопрос: почему это состояние так мимолетно? Почему картинка в обычной жизни разбивается пополам? Один из Иоаннов снова показал пальцем в небо и подмигнул, прежде чем исчезнуть.

А вскоре мне попались еще три книги.

В первой рассказывалось, что эмбрион, разделенный на ранней стадии, превращается в два полноценных эмбриона, меньших по объему. В какой-то момент, однако, эта способность к делению, свойственная одноклеточным и дождевым червям, исчезает.

Вторая рассказывала, что в мозгу человека есть участок, в котором хранится образ тела. Этот образ непохож на настоящее тело и сильно изменяется со временем. В младенчестве он состоит в основном из рта. Затем присоединяются пальцы, потом ноги и так далее – новые органы добавляются по мере того, как человек осваивает их. Полностью, однако, этот образ развит крайне редко – у людей, великолепно владеющих телом: танцоров, гимнастов, мастеров восточных единоборств.

В третьей книге рассказывалось про иллюзии восприятия. Я узнала массу интересного про эскимосов, различающих 50 видов снега, про племя индейцев, у которых было лишь три слова для обозначения цветов – красный, синий и коричневый, и они действительно различали только три этих цвета. Про жителей Таити, которые не видели кораблей белых, впервые приплывших к их острову, потому что до этого они имели дело лишь с лодками, и в их картине мира кораблей не было.

Но сильнее всего меня поразил рассказ об африканском племени Калахари. Жители этого племени считали миром лишь свою деревню. Все остальное терялось в тумане и было иным миром, царством духов. Когда белый антрополог пришел к ним и предложил прогуляться за грань, они с ужасом отказались. Когда он казал, что пойдет один, они умоляли его не делать этого, дабы не дразнить духов. Когда он все же отошел на несколько сот метров, они начали оплакивать его как мертвого. А когда он вернулся, они пали на колени и закричали: «Чудо! Ты вернулся из царства мертвых!»

Знакомство с обычаями племени калахари стало катализатором, стимулировавшим в моем мозгу бурную реакцию. Я представила себе антрополога, уходящего и возвращающегося – и два Иоанна снова подмигнули мне. Думаю, следующий вопрос был вполне закономерен: «Так, может быть, чудеса и воскрешение из мертвых – всего лишь прогулка антрополога, а мы видим границу там, где ее нет?»

Но почему?

Иоанны ничего не ответили, лишь слегка погрустнели и вздохнули. Я поняла, что им жалко несчастных калахаров, живущих в страхе перед духами. Им было жалко меня.

С этого момента психология, которую я изучала, утратила для меня интерес. В ней не было ответа на самый главный вопрос: как попасть ТУДА, в мир неявного порядка, скрытого за явным хаосом.

А через пару недель я впервые услышала слова «Квантовое сознание».

Автор - **Алина Даниэль**
Источник